

герман титов

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДНЕВНИК

СТИХИ

Москва
2016

ББК 84(0)

Т 45

Титов Г. В.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДНЕВНИК: сборник стихов. —
Москва, 2016. — 92 с. — (Библиотека «Особняка»).

ISBN 978-5-4465-1321-5

Пятый поэтический сборник русского литератора, художника и архитектора Германа Титова предлагает читателю лирический дневник, составленный автором из стихов, написанных (либо заново переписанных) с августа 2014 года по апрель 2016-го в Санкт-Петербурге.

Большая часть «Дневника» ранее была опубликована в альманахе «ОСОБНЯК».

*Дизайн обложки, макет
Герман Титов.*

Орфография и пунктуация автора есть значимая худ. часть текста.

© Титов Г., стихи, 2016.
© Титов Г., фотографии, 2016.

ОТ АВТОРА

Перед читателем — пятый (если не считать самиздатовских) сборник стихов автора.

Выпуская два года назад, в мирном (кажется, последнем, на моём веку, мирном) 2013-м году книгу «УМИРОТВОРЕНИЕ», я предполагал затем издать уже законченный к тому времени стихотворный цикл о харьковских храмах. Планов вообще было много — связанных с литературно-художественным журналом «ЛАВА», поэтической студией и проч.

Однако всё вышло совсем иначе. Со страшным скрежетом, сначала медленно, а там всё быстрее, начали поворачиваться замершие было в нерешительности на двадцать с чем-то лет ржавые колёса истории. Наматывая судьбы, перемалывая и упраздняя человеческие жизни...

В конце 80-х автору ещё казалась отчасти привлекательной жизнь в эпоху перемен. Сейчас — не кажется, но выбора, вероятно, и нет.

В августе, душном и грозном августе 2014 года я приехал в Санкт-Петербург. Со стихотворным «Дневником 14-го года» (который, Бог даст, тоже когда-нибудь издам) и летней дорожной сумкой. Думал навестить дорогих мне людей, с которыми не виделся лет двадцать, да и вернуться. Не подозревая, что в обозримом будущем возвращение станет для меня практически невозможным.

В этом месте, конечно, нужно бы сказать сердечное спасибо моим петербургским друзьям — они приютили изгнанника на следующие, самые трудные, два месяца. Вскоре, однако, я устроился на работу и снял квартиру неподалёку от последнего адреса Блока, в Петербургской Коломне.

Теперь я понимаю: всё самое страшное и всё самое прекрасное в нашей жизни происходит неожиданно. «...Да будет не моя воля, а Твоя». Из правоверного харьковчанина я превратился в нового, колеблемого всяким ветром, петербуржца, наравне со всеми иными гастарбайтерами из бедных южных республик.

Однако, скорее волей истории, чем своею собственной, я, по сути, вернулся туда, откуда мои прадеды несколько веков назад отправлялись на Юг и Восток — да и может ли русский литератор быть в России эмигрантом?

Тут стоит ещё заметить следующее. Автор, странным образом, как будто пропустил всю советскую эпоху, что не так давно отшумела здесь, весь славный и трагический Ленинград. Будто некий воскрешённый спустя столетие белогвардеец, я ходил по широким горизонтальным пространствам баснословной имперской столицы.

Здесь жили Блок и Вагинов. А там — проходил Гумилёв или Хармс. Каждый метр этих каменных мостовых, этих священных подмостков русской культуры и литературы, значил для меня неизмеримо много. Марсово поле, Лебяжья канавка, Михайловский замок, Литейный проспект, Таврический сад.

Но это Центр. А на другой оконечности этой мерцающей мифологии — Петербургская Коломна с небесной аркой Валлен-Деламота и щербатым кирпичным флорентийским палаццо у Калинкина моста.

4 Боль утраты, радость обретения — всё читатель может найти здесь, в этом сборнике.

И, конечно, небесный пейзаж, который в Петербурге много важнее пейзажа земного. Именно он, думаю, более всего вдохновил великого Петра на постройку небывалого города.

Он, бесконечно прекрасный облачный ландшафт, и останется нашим свидетелем здесь, когда всё пройдёт.

Часть первая

МАРСОВО ПОЛЕ

Петербургская почва —
Богом данный сквозняк,
Бесприютности почта
И чудес особняк.

Летаргический «Armstrong»
На Морской и Сенной,
Рыбка лунного растра
Над ростральной блесной.

Небесам соразмерен
Меж густых колоннад
Город спит и не верит
В приоткрывшийся ад.

А на Юге всё хуже —
Так иди и смотри,
Как бессмертна снаружи
Смерть, что носят внутри.

Люди бегут из страны,
И умирает страна.
Дымные дали видны
До — неизбежного — дна.

Люди несут в рюкзаках
Утлое имя страны,
Скомканные облака,
Бомбами взрытые сны,

Почвы растоптанной мрак,
Бедности черновика.
Новую жизнь — натошак,
Стоптаннные башмаки.

В чертогах множество палат,
Но нет Царя.
И сторонится Петроград
Календаря.

Всё зря: подкрашенный дворец,
Мосты, гранит,
И этот всадник, наконец,
И невский вид.

Пока вернётся Государь —
До этих пор —
Июль прозрачен как январь,
И пуст простор.

Изгнанничество — смертный дар.
Оставив ад,
Вернусь и я — Елеазар —
В мой Летний сад.

А когда он вернётся?
Никогда — в никуда,
И скользит его солнце
По фонтанным мостам,

По чугунной водице,
Где летейский покой,
Где уже не приснится
Ветер дальней Сумской

И Поэзии площадь,
И Собор, и базар,
Стрелки Лопанской рощи,
Лета южного жар.

Он вернулся б — но, видишь,
Упирается путь
В неба облачный Китеж,
Где легко утонуть,

Где в эфирной могиле
Ни судьбы, ни забот,
И кораблик на шпиле
Никуда не плывёт.

* * *

Отдаляясь от почвы, в эфире застряв, будто бес,
Покидая Украину, паришь эмигрантской зегзицей
Меж густой синевой петербургских последних небес
И гранитными плавнями прежней имперской столицы.

Пыльных улочек харьковских помня ещё имена,
Благовещенский рынок и хрип репродукторов детства,
От Бурсацкого спуска съезжает история на
Залетейский простор, и никто не отпишет наследства.

Неприкаянный дух, меж туристов в бессмертном саду,
Где подменны все статуи, видит исход рефлексивней
Тех меморий, что и развлекая накличут беду.
И Лебяжья канавка изгнаннику кажется Зимней.

ВЕЧЕР НА МАРСОВОМ ПОЛЕ

За торжественный небесный пейзаж,
За каналы, что сокрыты в земле,
И за шпиля золотой карандаш
У бессмертия на чёрном столе.

За непаханого поля карман —
Круг сирени, три холодных скамьи,
За искусства сердобольный обман
Пей оттаявший закат — все свои.

За Михайловского замка вдовство
И за прадеда на медном коне,
За недолгое убийц торжество,
За возмездие (хотя бы вчерне)

Императора на той стороне,
Где ни боли, ни чудес, ни обид,
Где предательство бессильно втройне
И луна Мальтийский крест серебрит.

Пей за ветер на чугунной цепи,
За светила, что не мёрзнут зимой,
И за тех, кто умирает в степи,
Чтоб вернулся ты однажды домой,

За сражающихся в мире невстреч —
Присносущего земные пути,
За единственную русскую речь:
Всё имущество, что смог унести.

СРЕТЕНИЕ

А каких ты хотел чудес
На заставке нового неба?
Кошка сдохла, и хвост облез,
Боль едва ль оцифрует небыль.

И какой святой простоты
Ожидать за ветхостью быта,
Где всегда размыты черты,
Все забыты и всё забыто,

Где февраль метёт наугад,
Фонари глазают печально
Меж чужих дворов и оград
И не встретиться нам случайно.

Стынет стопка книг на окне,
Леденеет сердце в пространстве,
Где всё то, что дорого мне —
Эпизод читательских странствий.

Но темнеет белая смерть;
Снеговик растает стрит-артом.
Я пришёл в этот мир смотреть
Как зима встречается с мартом.

Вдоль канала, что зябнет и морщится
(Парадиза, что горек и сер),
Жизнь уходит как Лиза-уборщица,
С мокрой тряпкой — в мерцание сфер

Неземных, в новых песен мычание,
В дымный омут (в народ), в новый год.
Выручает здесь только отчаянье:
Добродетелью вниз бутерброд

Павший вдруг, и у здания флотского
Сонный снег, детства тающий мел.
И не надо цитировать Бродского —
Там, где он умереть не сумел.

Краски северной осени —
Божий свет в нашей тьме.
Станций многоголосие
По дороге к зиме.

Мы не встретимся прежние,
Ни к чему эта дрожь.
Меркнут сосны прибрежные.
Начинается дождь.

Все твои иллюстрации,
Хлеб и звёзды в суме,
Не спасут в эмиграции,
Но приблизят к зиме.

Поле южное плоское
Проржавеет без нас;
Горизонт с папироскою
И сирени каркас.

ХАРЬКОВСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Поднимусь по мимолюдной Сумской
К Театральной и в сквозной выйду сквер,
Где скамьи хранят покой городской,
Где так много незабвенных химер,

Промеж лип всё в изумрудном дыму,
И смягчается судьба на просвет.
Здесь не нужно объяснять, почему
На прозаика не смотрит поэт.

Два квартала до Зеркальной струи,
И совсем недалеко до чудес,
Где за ХИСИ ждут проулки мои
И Госпрома заревой волнорез.

Многословней чем École des Beaux-Arts
Мироносицкой кусты и дома,
А погибший и воскресший базар
Отмыкает облаков закрома.

18

Дотемна успеть бы мне к Веснина,
В пыльный двор зайти к минувшей весне.
Нас теперь не разлучит и война —
Жизнь и смерть не различимы во сне.

* * *

Я оставляю страну, переставшую быть страной,
Ностальгической пылью на смятом дне рюкзака,
Безыскусной притчей язычникам (мором/войной),
И прицелом любви, потерявшей холод виска.

Снегопад и фонарь, обречённости белый шум,
Постсоветский сиквел распада: слабо смотреть
На законы истории? Судный день наобум;
Глупый старший Гайдар, уходящий с ведёрком в смерть.

Чёрно-белая правда на всякий расстрельный век,
Угодить в эпицентр окружности — главный дар.
Поднимаешься к небу, как в оттепель павший снег.
Вот судьбы ирония, вот её лёгкий пар.

Любишь ли ты меня — здесь,
Если темно уже в два,
И невозможно прочесть
Снежной афиши слова.

Любишь ли ты корабли
(Хлебные крохи сумы),
Здесь, на чухонской мели,
Харкая солнцем с кормы.

Звёзды зажгут уже в три,
Счастье прицелится в лоб;
Как тут, Улисс, ни смотри,
Смертен влюблённый Циклоп.

Ведь Петербург не Париж,
Как ни тоскуй по земле,
Тают сугробы афиш
В ложноклассической мгле.

Страннику — странного нет.
Жги фонарей паруса:
Адмиралтейский проспект
Выведет на небеса.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Палаццо над Невой — пример обмана,
Здесь не хватает солнца (вне стакана),

Невольному мигранту много воли,
Но русскому бездомно в русском поле.

Наш век трамбует пыль любовью улиц,
Здесь каются, своим лицом любясь.

Все хором и толпой стыдятся стада,
Но если где война, то так и надо.

Русь больше не встаёт по звуку горна,
Хотели хоронить, но мы же зёрна.

О чём тут говорить — под пеплом в урне
Всё приращенья смыслов ищут дурни,

Но праздника не отыскать в их прозе,
И всеу продан братьями Иосиф.

Вакансия пуста — за наши речи
Давно не предлагают казареччи.

Исакия казан да запах плова,
Метут узбеки небо: *vita nova*.

* * *

Немерцающий свет в полусне,
Облака за кормой по весне;
Божьих окон огни — мы, Медея, одни
Аргонавты у неба на дне.

Метафизики диапазон:
Март и мрак завершают сезон.
Но целитель — погиб, и, целуя изгиб,
В том царевне клянётся Язон.

Подобное ищет подобного
И с ним надирается в хлам
В кругу бытия, как бы пробного,
Вполне равнодушного к нам,

Прохладного и не подробного:
Набоков с огромным сачком
Для счастья (отчасти загробного)
За ангелом ходит бочком.

Декабрьским снежком осыпается
Изломанных крыльев пыльца,
И Гоголь в земле просыпается —
Бессмертье клюёт на живца.

Долг вертикальной судьбе:
Деньги — на ветер и выше,
Чтобы в отместку тебе
Звёзды сияли сквозь крышу.

Квантовый kaleidoscope;
Если ты, правда, хотела,
Вместо ошибок и проб —
Свет, растворяющий тело.

Где ещё встретишься так,
Ясно и непоправимо.
Катится лунный пятак
Мимо кармана, всё мимо.

Для немощных и бедных вещественных начал
Качается над бездной лирический причал.

Но облачной триере причалить не судьба:
У Триера — по вере — на сцене ждут раба.

Торчит на огороде иссохшее быльё —
Всё то, что о свободе не спросишь у неё.

За миг до пробужденья забудешь обо мне,
Воланы вдохновенья останутся во сне.

За тридцать — непростая судьба у коломбин.
Вбирая небо, тает гусей сентябрьских клин.

Бездомным и влюблённым ступать за край легко,
Течёт меж пальцев клёна созвездий молоко

Отчаянно и сладко, как в роще у Ватто.
Небытие — подкладка осеннего пальто.

КРЫЛАТЫЕ КАЧЕЛИ

Умозрительный мороз,
Солнце слаще мандарина.
Мчится детский паровоз
В зазеркальные витрины.

Стелется торговый центр
Праздником предновогодним,
Сниженных Цирцеей цен —
Только радости сегодня.

Только песен лёт крылат:
Лёд взросленья — у порога.
Смотрят Бруклин и Эйлат
Сны совхоза «Перемога».

Целится в межзвёздный мрак
Паровозик у предела:
Вечности летит сквозняк
Сквозь игрушечное тело.

ПРОЩАНИЕ С ПОСТМОДЕРНИЗМОМ

Скажу я просто, не таясь:
Постмодернизм, прощай.
Ведь не цитаты — эта грязь
И кровный мрак борща,

Эпохи новой фронтиспис.
Стиль никакой не плох,
Но Хармс ходил на сей карниз,
Чтоб ты однажды сдох.

Мы не блуждали, трепеща,
И не стреляли зря —
Светло меж складками плаща
Небесного Царя.

Обветрено бессмертье губ,
Века — наш автопарк.
Вершины лет ложатся в сруб
Для русской Жанны д'Арк.

Кум небесам наш Аввакум,
На этом и горит,
А всё иное — белый шум,
Разлука и ретвит.

Прощай, постмодернизм, прощай:
Поваплен блогем гроб,
И Млечного Пути праща
Едва ли целит в лоб

Метафизической зиме,
Но вспыхнет иногда
В беременной заботой тьме
Спасения звезда.

Жизнь есть контекст и глубина.
Повержен истукан.
Ждёт галилейского вина
Невидимый стакан.

МОЛИТВА

Напои водою из камня,
Приоткрой Святейшие Светы.
Тишину Твою, Боже, дай мне
Чтоб слышать голос ответный.

Научи сердечной работе —
Мимо кармы, мимо гроссбуха,
Совлеки печаль этой плоти
С бескорыстной радости Духа.

Под сосною звёздной подарки
Всем оставь Рождественской ночью,
Омофором — снежным и жарким
Скрой войну и смерть, Авва Отче.

Укрепи воздушные фибры
На незримой стройке спасенья,
И, прошу, не оставь верлибром
Меж вселенских рифм Воскресенья.

Ты *лучше многих малых птиц,*^{*}
Которым ни к чему
Иллюминация столиц,
Распахнутых во тьму,

Святящиеся цепи букв,
Веселья трафарет.
Нет смысла изменять судьбу,
Когда исхода нет.

Но где-то в чёрной глубине
Сбывается полёт;
Китайский заяц на Луне
Бессмертье залпом пьёт.

^{*}Матф., 10:31.

Нет вчерашнего солнца,
Нет чудес и дождей.
А что есть — достаётся
Без особых затей.

Отражается лодка
В отреченной реке.
Счастье кратко и кротко,
Кратно чёрной тоске.

Победителя судят
Новых вёсен снега.
Вёсел больше не будет,
И любовь — берега.

ИС. 41:41

Не бойся, червь *Иаков*,
Не целься при стрельбе.
Ты ожидаешь знаков —
Я помогу тебе.

Я суть твою умножу;
Смерть вовсе не итог.
Судьба есть плоть и кожа,
Всё остальное — Бог.

А помнишь тринадцатый год?—
Последнюю мирную осень,
Над садом густой небосвод,
На блюдце мерцающем — осы,

Жужжащие, будто вопросы.
И ветки, и ветер в окно...
Но сгнили во тьме абрикосы,
И дни опустились на дно:

Поди, досмотри до конца.
И нет у героя лица.

Яблок блазны — на завтра:
Поматросил и брось.
Бывший ангел и автор
Отрекаются врозь.

Запоздалое лето
В западне октября;
Выше всякой ракеты
Верность календаря.

Ты придёшь к распродаже
Жёлто-красных куртин
В косность космоса — даже,
Если я не один,

Если я проникаем,
Как стекло или свет.
Если мы понимаем,
Что меня уже нет.

Теснят печали и беды,
И страшен девятый глас,
Но краткость — сестра победы —
Теперь воюет за нас.

Ничто у жизни не ново,
Лишь вера присно права,
И горы двигает слово,
Когда прицельны слова.

И в небе плаваются титры,
И радуг рвутся мосты.
Ноябрь смешает палитры,
Последних клёнов листы,

Развеянных жизнью стайки
В щетине мёртвых стеблей.
Нехай рождаются хайки
В золе вчерашних полей.

38

Господь восставит останки,
Отстроит рухнувший кров —
Прекрасны русские танки*
На въезде в утренний Львов.

*Танки (ед. число — танка), 31-слоговая пятистрочная стихотворная форма, основная в японской лирической поэзии.

На планету Нибиру
Я тебя, милый друг, не беру,
Оставляя венец и порфиру,
И примёрзшую к топям Пальмиру
На истории чёрством ветру.

Оставляя бездымные трубы,
Бренный дом, небеса и сюжет,
Без любви загрубевшие губы,
Сожаленья о том, чего нет.

Древо пробует почву как воду
Корневищем, и тьма холодна:
Пересадка ведёт на свободу —
До последнего смертного дна.

А война, как на привязи, всюду
Чёрным псом ковыляет за мной.
Часовые бесчувственны к чуду
За любой возведённой стеной.

Архитектора этой Вселенной
Императору не превозмочь;
Это знают Баженов и Бренна,
И над замком Михайловским — ночь.

М. Титовой

Всё что мог, успел до рассвета.
Прочерти, по Гоголю, круг;
Жизнь и смерть дешевле билета
На пропахший порохом юг —

За Москву, за Курск, за Воронеж,
Где страшны Изварино сны,
Где и ты отца похоронишь
В чернозём нерусской весны,

В дымный прах войны без победы —
Жертва крови не принята,
И роняет в небо ракеты
Бледный Каин из решета

Тёмных улиц, мимо таможни.
Оплати обратный билет:
Жизнь и смерть во тьме не дороже,
Чем плацкартной полости свет.

Часть вторая

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
КОЛОМНА
и проч.

Ждёт попутной музыки трамвай,
Ждёт большой воды отметка горя
На воротах Невских — и трава
В род и род запомнит привкус моря.

Ждёт вестей и писем эмигрант
С кровного украинного юга,
Но закопан в чёрный дым талант,
Бой ведёт летучий корволант,
И никто не воскресит друг друга.

И никто не промолчит в ответ
О войне, не ведающей срока.
Это осень русская — и свет,
Жёлтый свет в посмертных окнах Блока.

Мы — осколки русской весны,
Городов пустеющих эхо,
Слободской черёмухи сны,
На чужом веселье помеха.

Нас на север кровь загнала,
И мечта забыла без крова.
Ждём тепла (такие дела),
И не ждём прощального слова.

Атомарный вес нелюбви,
Ностальгии снимки навыворот,
Малоросский Спас на крови;
Всё былое определилось.

Этот май отцвёл, словно взрыв.
Эта жизнь — изгнания вата,
Вне игры значенья игры
И пока далече расплата.

И пока все окна горят,
Гастарбайтер помнит: когда-то
Золотой оконный квадрат
Обернётся чёрным квадратом.

Полгода мой домик — в Коломне,
Имперской ампирной глуши,
Щербатое солнце инсомний
Небесные сыплет гроши.

За облаком цвета асбеста
Взъерошены краны в порту.
У этого славного места
Любой дезертир на счету,

Любой гастарбайтер Коломны
В пути на Васильевский о.
Любуется чудом колонным,
Не помня уже ничего,

Закатом над Линией 20,
Величия рябью речной,
И чайкой, что медлит сорваться
С причала крылатой блесной.

48

Но праздновать, право, наивно,
Когда иногда устаёт
Истории ход прогрессивный,
Асфальтоукладчик её.

* * *

В телесной химии ведь тоже нет спасенья,
Как ни вздыхай в тиши и писем ни пиши,
К исходу августа стрижи влетают в сени
На даче ветреной, и спит сверчок души.

Все восхождения лирические лживы,
И летом северным не оправдать озноб.
Иные умерли, а те — беспечно живы,
Душ воплощающихся вечный гардероб.

Воспоминания слетятся к изголовью,
Лишь дождь, витийствуя, найдёт на дне двора
Сосуд пустующий. И, Бог уж с ней, с любовью.
И грядки мокрые не поливай с утра.

Я — нахожу прекрасной
(А почему б и нет?)
Музыку мимо кассы,
Слов отражённый свет,

С Блоком — тайну прогулки,
Там, где рябит канал,
Где широки и гулки
Прошлого имена,

Где вино из пакета
Льёт сентябрь через край,
И кренится планета,
Как скрипичный трамвай,

Где над последней Пряжкой
Дремлет в окне звезда,
Где изгнание не тяжко.
Даром что навсегда.

Смерть объявляет перемирие.
Всем уцелевшим — день сурка.
Меж беженцев плывёт валькирия,
Расталкивая облака.

Айда на юг, пассионарии,
Где, медленно сползая в ад,
Мерцают мёртвых звёзд фонарики,
И, знамя ночи, Халифат.

Айдар и Кальмиус по осени
В Гихон впадают и Евфрат,
И век, в который нас забросили,
Пред будущим не виноват.

Торопятся на службу мумии
В автобусах и на авто,
И святость кажется безумием,
Кошунственным, как Жан Кокто,

Над углями, как Жанна связанным.
Пора, мой бедный друг, пора!
Уж тысячная ночь рассказана.
И не очнуться. До утра.

* * *

Увы мне — в Коломне
Шагать в темноту,
Я код свой не вспомню,
Во двор не войду.

А верфи пространны,
Как суд и ремонт,
И чёрные краны
Грызут горизонт.

Кто землю оставил,
Не стал воевать,
Живёт мимо правил:
Печаль — его мать.

Ни дна, ни покрышки,
Ни снов налегке,
Кленовые вспышки
В осенней реке.

Он — чей-то сюжет ли,
Беглец ли, дурак,
Квадратные метры,
Классический мрак.

Он — будущей крови
Дрожащий словарь,
Как Павел Петрович,
Беды Государь.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ АВГУСТА

Как будто нет перегородки
Меж неизбежностью и мной;
Желток луны на сковородке,
Храп сновидений за стеной.

Прах летних звёзд летит на плечи,
Предательски закрыт подъезд.
Эпохе оправдаться нечем:
Необратим мой переезд.

Московский август никнет долу:
Бердслея тени на полу
Сродни любви и произволу,
Но свет не утешает мглу.

А в детстве, к этому числу,
Я просто собирался в школу.

Ни картонных украинцев
Карнавальные чубы,
Ни заветные страницы
Средь сентябрьской ворожбы,
Ни прогулки, ни грибы,

Ни стакан, грающий водку,
Ни гитар чужих печаль, —
Ничего здесь не в охотку,
Никого уже не жаль.

Поезда находят сонно
Рельс бездумные шляхи,
Однозвучные вагоны
Утомительно глухи.

Только нам, бездомным, просто
С этим небом нежилым:
Средь листвы посмертно-пёстрой
Осени прогорклый дым.

Новой Голландии ветхий кирпич,
Арки небесный разлом,
Чайки отвесной отчаянный клич,
Жалоба о небылом.

Переходя на слезливый февраль,
Ты никому не пиши:
Помнят графически светлую даль
Мёртвые карандаши.

Не обойдёт и грядущего блажь
Жёлтый пакгауз судеб.
Кончились праздники, снят антураж,
И разбирают вертеп.

Вьюге оставлен Валлен-Деламот;
Медный кумир впереди.
Арка Галерной отверстия и ждёт.
Ну же, Евгений, — иди!

Жизнь вземется от земли,
Телесный хлеб раскрошив.
Плывут во тьму корабли,
И звёзды тьмы хороши.

Подпольный русский язык
(Не страшно и умереть)
Ломает домики книг,
Души сминает подклеть.

Что память — только пейзаж,
Написанный изнутри.
Сломал Господь карандаш,
И ты прицелы протри.

Избыв печаль и беду,
До дна, мой милый, до дна:
В Никольском райском саду —
Шевченко сад поминать.

В самом устье канала
Треуголки фронтонов низковаты, скупы и кривы,
И ненужные жёлтые листья устало
До Фонтанки плывут — от Невы.

Да и памяти, кажется, мало
Чтоб запомнить наклон головы,

Зонтик с выгнутой спицей,
Водостока обратный вопрос,
Млечный омут небес — над дождей и туманов столицей,
И Калинин развезженный мост.

Видел Пушкина, может быть, этот забор,
А пространство вот так же текло в направленьи залива.
В Петербургской Коломне немного переменялось с тех пор:
Коротка перспектива,

Где кирпичная съезжая башня воздета
Чтоб глядеть далеко-далеко.
И вся жизнь моя — выстрел поэта:
В молоко.

МК. 13:1

Посмотри, какие камни
И какие здания.
Хоть брандмауэр оставь мне
Ради оправдания:

Лопнет неба синий шарик,
День свернёт на Лиговский.
Парадизы разрушает
Чувство справедливости.

И Вселенная всё уже
Чёрной акваторией.
Ты империи не нужен,
А себе — тем более.

Прошлое снегами тает,
Но вздыхает пушками.
Русские своих — бросают
Ветхими игрушками.

Позавидуют живые
Кенотафу нашему.
Врут сигналы бортовые:
Все долги погашены.

Выбирает ветер песни,
Музыку не слушая.
В Судный день с тобой воскреснет
Медвежонок плюшевый.

Зарекаться от города Сумы,
Соловиной тюрьмы да канвы:
В белой тьме и былое, и думы
Будто чайки частят у Невы,

И прозрачной рукой невозможно
Растолкать задремавший экран,
Беззакатное солнце под кожей —
Утешительный самообман.

Нараспашку пространство текуче
Вечной памяти стылой страны,
Под озимые вспаханы тучи
Васильковых небес до войны.

Все равны меж собой моджахеды,
И бессмысленны вздохи твои;
Не увидеть уже — до победы —
Зыбких ив у Зеркальной струи,

62

Летней ласковой Лопанской стрелки,
Полноводного Псла по весне.
Уцелеет ли кто в перестрелке,
Пригодится ль родной стороне?

Знают ангелы глухонемые,
Билетёры в забытом кино,
Где тридцатые-сороковые
Навсегда, и меж кресел темно,

Знает идол Ашшурбанапала,
И Мардука обрубок в песке,
И музеев расстрелянных залы,
И Одесса в бессильной тоске,

Знают очереди в приграничьи,
У таможен с добром (без добра),
Тают стаи последние птичьи
Над просроченным детством двора.

Оставляя пространству безбрежность,
Поросло огоньками быльё,
А победа — она неизбежна.
И никто не увидит её.

* * *

Нет империи ливрейной
И не будет никогда;
Бродят по дворцам музейным
Любопытные стада.

Мудрецы и мизерабли
Сожалеют не о том,
И сверчком сидит кораблик
На шесте на золотом.

Нагоняет ветер небо
Под чугунные мосты,
От Фонтанки до Алеппо
Не найдёшь ответа ты,

Но расскажет первый встречный:
Мессианские врата
Замурованы навечно,
И темна Его вода,

64

И темны к рассвету тучи,
И вздыхает русский лес;
Родину любить научит
Очередь в УФМС.

Царство здешнее едино
От морей до горных троп,
Где пространство целит в спину,
И любая песня — троп,

Царство здешнее — дорога,
И в далёкой стороне
Город Харьков понемногу
Забывает обо мне.

Но, когда на бездорожье
Свет мерещится извне,
Это значит: в Царстве Божьем
Вспоминают обо мне.

Прости мне мой французский,
Но титры коротки,
И тошно без закуски
На берегу реки.

Мелеют Мья и Луга,
Ночь полноводней дня,
И потерять друг друга —
Обычная фигня.

Похожи на Панурга
Немолодые львы,
А солнце Петербурга
Одно на всех, увы.

Какой прекрасный задник
Для нежилой судьбы:
Гранит и бронзу всадник
Поднявший на дыбы,

66

И блик, уже осенний,
Меж тёмных поволок,
И ресторан «Есенин»,
И ежедневный Блок,

И катерок «Могучий»,
И баржи у моста,
Трагические тучи,
Святая пустота.

Ты заходи без стука,
Ну что же, что война:
Разлука есть разлука,
Родная сторона.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТАНСЫ

Петербург — самый русский из её городов,
Но Россия не рада.
И пылит автострада
На Джанкой и Ростов.

И трамвай заблудился, оттого что ты ждёшь,
Рельс не помнит ограда,
И последняя правда
Хороша, будто ложь.

Это праздник, конечно, но уже не с тобой,
Оттого что ты беден,
И всё ближе к победе,
Хоть посмертной, любой.

И гранитные глыбы, будто льдины в реке,
Вверх раскроют пределы.
Ну а ты что бы делал
На таком сквозняке?

68

Диссидент и отказник южнорусских кровей,
Как дурак, у Фонтанки
Ищешь правду (с изнанки),
И глотаешь портвейн,

И глотаешь свободу, с пустотой на просвет;
Все пороги щербаты,
Все дела угловаты,
И ответ — домосед.

Перспектив приручённых кровеносную суть,
Допивай своё солнце.
А трамвай — он вернётся,
Хоть и скрыт его путь.

NEVERMORE

Ворон буркнул: «Ни хрена!»,
У окна присев на ветку.
Дремлет белая страна,
И сосед бранит соседку,
Обходя мой потолок
Умозрительным дозором,
И течёт метельный ток
В такт невнятным разговорам.

Студно в ночь на Рождество
Всей языческой природе:
В небе ясно и — мертво,
Зябнет злак на огороде,
Вмёрзши в отболевший год,
Преют парки, стыннут норны.
Склеротичный ломкий лёд
Над рекой забвенья чёрной.

Равнодушны и пусты
Безнадежные просторы,
Эти тусклые кусты,
Эти ветхие заборы.
Все как прежде. Но правы,
Пробираясь в снежной гуще,
До утра бредут Волхвы,
Умудрённые грядущим.

Открывая рукопись живую
Сумерек, туманов и свобод,
Осени черту береговую,
С общего на русский перевод,

Город мой, кленовый да багряный,
Что — сквозь дождь — ты знаешь обо мне?
Доброволец канул безымянным
На не им проигранной войне.

Стихотворец — никому не нужен:
Мужикам, драконам, облакам...
Ветер околачивает души,
Музыкой уходит по рукам.

Город мой, надменный и сезонный,
Я на Петропавловском песке
Вечности учусь, и горизонты
На златом повисли волоске.

Верните мяч в игру!
Оставьте мне движение:
На вымерзшем ветру
Одной звезды скольженье.

Подайте — игроку,
Пока игра в зените;
Надежду и тоску
Надеждинской верните.

Но сомкнут сон двора
В густой ночи имперской,
И твой троллейбус прав
До самой Офицерской.

И ходит наш связной
Вдоль смерти, всё по кругу,
И раннею весной
Благодарит — за вьюгу.

ГОГОЛЬ

Да, такой себе Гоголь. Только носом не вышел,
Без Chanel и гражданства — вдоль по Малой Морской,
Напрямик, без оглядки. Царство Божье здесь ближе
Чем Исакия купол и дворцы за рекой,

Оба всадника медных, конной гвардии липы,
Убелённые небом на краю октября,
Полумёртвые души, словно чаячьи всхлипы:
Мы опять недостойны возвращенья Царя.

Двери ближней парадной — флотских ангелов крылья,
Где канал сокровенный* путь вершит в глубине,
Царство Божье приходит не стучась, без усилия,
И луна обмирает в городской вышине

Меж антенн, будто дева с финской палкой для сэлфи;
Торжество одинокой красоты напоказ.
Всё хранится у Бога, в горнем облачном сейфе,
Всё вернётся однажды — но уж, верно, без нас.

Малороссией прежней догорает в камине
Чёрный том его счастья, не желать и врагу.
Молча молится Гоголь — будто нет и в помине
Мальв и солнца — на дальном, на псельском берегу.

* Адмиралтейский канал, на участке под Конногвардейским бульваром.

Ты остался там, на войне.
Это, правда, выход, скажи?
Бессловесны тени извне,
Маршируют прочь муляжи.

Замерзая, эхо в степи
Рвёт на ощупь чёрную твердь.
Будет утро, ты потерпи,
А не будет, просто ответь:

Наяву увидеться как?
В бывшем небе столько прорех,
Жизнь и смерть — всё порознь табак,
И кевларовый твой доспех

На другом. Суннит ли, шиит,
Но прицел отмечен крестом.
А в витрине ёлка стоит,
И другая, там, за мостом.

Мира нет, но нет и войны,
И такая в этом тоска,
Словно мокрый снег без весны,
Словно скомкал кто облака.

И слова теснятся, губя.
Ждёт последней новости мать.
Как увидеть тебя — себя?
В зазеркалье руку пожать...

Борьба с режимом — мечта идиота,
Каков бы ни был режим.
И тут что Кесарь, что Минамото,
Всё — Ирод. Как ни бежим,

Везде Вифлеем. И когда на взморье
Вздуваются вены рек
И тёмной иконе в Морском соборе
Творит поклон человек,

Стигматы света на безпросветной
Адмиралтейской волне
В канале ближнем, верней ответа,
Предъявленного извне.

Все реки истории чтут работу:
Смерть — устье, любовь — исток.
А Запад есть Запад, и оттого-то
Не ищет солнца Восток.

В Петербурге — гастарбайтером,
С золотой ордой труда,
Я слежу за дальним катером,
Вмёрзшим в небо навсегда.

В съёмной истине изгнания
Утешения — едва:
Электронные издания,
Тронный берег да Нева.

Всё пройдёт и позабудется,
Я постигну эту стынь,
Напоказ прямые улицы
И гранитный строй пустынь,

Тьму державную меж рамами,
Лёд канала наяву,
И над взорванными храмами,
Нам подобную, траву.

84

Безо всякой конспирации
Я отвечу, ты спроси:
Каково же в эмиграции
Этим русским, на Руси?

Конечно, это странно.
Конечно, навсегда:
Нас разделяют страны,
Каналы, города,

Фонтанка, Лопань, Темза...
Привыкнет тело вновь,
Но сердце — сердце тем же
Расталкивает кровь.

Вне царства, не во славе,
Мерцают, далеки,
Сквозь толщу слов и яви
Кацарской* огоньки.

По речке внутривенной
Второй, наверно, год
Мой город довоенный
Офелией плывёт.

И память — только смета,
В гробнице образа,
Любви моей посмертной
Холодные глаза.

85

* Улица в исторической части г. Харькова.

В простых и праздных разговорах,
В анапесте пустых дорог,
И в отчуждённости простора —
Обыденности эпилог,

Где тьма ложится перебором
Романсовых и смутных строк,
И тёплых всё ещё, и сонных,
Но неотвязных, будто даль,

Где я и горестей не вспомню,
И радостей не отгадал
За жёлтую полоской света

От фонаря в конце тропы:
Излишне яркой этикеткой
На бледной ёмкости судьбы.

Мысленное солнце
Катится ко дну:
Редко удаётся
Пережить весну.

Неисповедимо
Место наших встреч,
Льды седьмого Рима,
Русских метрик речь.

Вьюга, хоть не в духе,
Ты одна верна,
Хармсовы старухи,
Небо вне окна.

Сквозняком инверсий
Отмети печаль,
И дворы отверзи
В световую даль.

И в снегах без тверди,
Где-то на краю,
Отмоли у смерти
Родину мою.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Мы потеряли всё.
Мы обрели Звезду,
Жаркий мороз её,
Синюю высоту.

Пусть далеко наш дом,
Пусть каждый день — врасплох,
Путь твердит об одном:
Днесь рождается Бог.

Снежных степей Волхвы
Плоских не ждут судеб.
Что принесёте — вы
В русский Его вертеп?

Зёрна здешних потерь
Ввысь взойдут торжеством.
Вся наша жизнь теперь —
Ночь перед Рождеством.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
----------------	---

Часть первая. МАРСОВО ПОЛЕ

«Петербургская почва...».....	6
«Люди бегут из страны...».....	7
«В чертогах множество палат...».....	8
«А когда он вернётся?...».....	9
«Отдаляясь от почвы...».....	10
ВЕЧЕР НА МАРСОВОМ ПОЛЕ.....	12
СРЕТЕНИЕ.....	15
«Вдоль канала, что зябнет и морщится...».....	16
«Краски северной осени...».....	17
ХАРЬКОВСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.....	18
«Я оставляю...».....	19
«Любишь ли ты меня — здесь...».....	21
НОВАЯ ЖИЗНЬ.....	22
«Немерцающий свет...».....	23
«Подобное ищет подобного...».....	24
«Долг вертикальной судьбе...».....	25
«Для немощных и бедных вещественных начал...».....	26
КРЫЛАТЫЕ КАЧЕЛИ.....	27
ПРОЩАНИЕ С ПОСТМОДЕРНИЗМОМ.....	30
МОЛИТВА.....	32
«Ты лучше...».....	33
«Нет для нас больше солнца...».....	34
ИС. 41:41.....	35
«А помнишь тринадцатый год?...».....	36
«Яблоко блазны — на завтра...».....	37
«Теснят печали и беды...».....	38
«На планету Нибиру...».....	39
<i>М. Титовой</i>	42

Часть вторая. ПЕТЕРБУРГСКАЯ КОЛОМНА и проч.

«Ждёт попутной музыки трамвай...».....	44
«Мы — осколки русской весны...».....	45
«Полгода мой домик — в Коломне...».....	48
«В телесной химии...».....	49
«Я — нахожу прекрасной...».....	50
«Смерть объявляет перемирие...».....	51
«Увы мне...».....	52
ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ АВГУСТА.....	54
«Ни картонных украинцев...».....	55
«Новой Голландии ветхий кирпич...».....	56
«Жизнь вземется от земли...».....	58
«В самом устье канала...».....	59
МК. 13:1.....	60
«Зарекаться от города Сумы...».....	62
«Нет империи ливрейной...».....	64
«Прости мне мой французский...».....	66
ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТАНСЫ.....	68
NEVERMORE.....	73
«Открывая рукопись живую...».....	74
«Верните мяч в игру!...».....	75
ГОГОЛЬ.....	79
«Ты остался там, на войне...».....	80
«Борьба с режимом — мечта идиота...».....	83
«В Петербурге — гастарбайтером...».....	84
«Конечно, это странно...».....	85
«В простых и праздных разговорах...».....	86
«Мысленное солнце...».....	87
НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ.....	89

Литературно-художественное издание

Титов Герман Владимирович

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДНЕВНИК

СТИХИ

Редактор – *Надежда Бахолдина*
Корректор – *Валерия Гура*
Вёрстка и дизайн – *Герман Титов*

Подписано в печать 8.11.2016
Формат 70x108/32.
Усл. печ. л. 5,35.
Гарнитура Minion Pro.
Тираж 300 экз. Заказ № 9638.

ISBN 978-5-4465-1321-5

9 785446 513215 >

Почта автора:
germanostitois@mail.ru; germanostitois@gmail.com